

№4 (8)

МАРТ

2015

ГЕОРГИЕВСКИЙ ЛИСТОК

РАДОСТНЫЙ ПОСТ

«В отличие от того, что считают и чувствуют многие, период духовного напряжения (время Великого поста или говения) это время радости, потому что это время возвращения домой, время, когда мы можем ожить. Это должно быть время, когда мы отряхиваем с себя все, что в нас обветшало и омертвело, для того чтобы обрести способность жить, — жить со всем простором, со всей глубиной и интенсивностью, к которым мы призваны. Пока нам недоступен, непонятен этот момент радости, у нас будет получаться чудовищная и кошунственная пародия; мы, будто бы во имя Божие, превратим жизнь в сплошное мучение для самих себя и для тех, кому придется расплачиваться за наши бесплодные потуги стать святыми.

Это понятие радости может показаться странным рядом с предельным напряжением, подвигом воздержания, с настоящей борьбой, и тем не менее радость проходит через всю нашу духовную жизнь, жизнь церковную и жизнь евангельскую. Мы должны вернуться к такому состоянию, которого обычно не можем вызвать даже из своих глубин, настолько оно нам чуждо, — состоянию радостного ожидания Дня Господня, хотя мы знаем, что этот День будет днем Суда. Поразительно слышать в церкви, что мы провозглашаем Евангелие, благовестие о Суде, и провозглашаем, что День Господень — не страх, а надежда, и вместе с Духом Святым Церковь можем сказать: Гряди, Господи, и гряди скоро!.. Пока мы неспособны говорить в таких категориях, нашему христианскому сознанию не хватает чего-то очень важного. Что бы мы ни говорили, в таком случае мы все еще язычники, вырядившиеся в евангельские одежды. Бог для нас еще Бог вдали, и приход Его — мрак и ужас для нас; и суд Его — не искупление, но осуждение наше; и встреча лицом к лицу с Ним — страшное событие, а не час, к которому мы устремлены и ради которого живем.

До тех пор, пока мы не осознаем это, духовное напряжение не может быть радостью, оно непосильно и ставит нас перед лицом суда и ответственности, потому что мы сами должны осудить себя для того, чтобы перемениться и быть в состоянии встретить День Господень, славное Воскресение с открытым сердцем, не пряча лицо, готовые возрадоваться, что он пришел».

Митрополит Антоний Сурожский

ТАИНСТВО СОБОРОВАНИЯ: ДЛЯ ЧЕГО?

Во время таинства Соборования православный христианин семь раз помазуется священниками (в идеале их должно быть семь, т.е. «собор» священников) освященным елеем, смешанным с красным вином. При этом многократно читается Евангелие, звучат молитвы о болящем. Все это совершается ради исцеления души и тела христианина.

Назначение таинства Соборования — всецелое исцеление человека. Само телесное исцеление в молитвах таинства ставится в зависимость от исцеления душевного, для которого необходимо покаяние, то есть прощение грехов, соединенное с твердым обещанием исправить свою жизнь в соответствии с заповедями Божиими. Для совершения таинства используются елей (растительное масло) — один из древнейших религиозных символов. С глубокой древности это был не только продукт, употребляемый в пищу, но и лекарственное средство, и вещество для светильников, и косметическое средство. Изобилие елея воспринималось как знак Божия благословения.

Еще святые апостолы помазывали елеем больных, молясь об их исцелении. Об этом пишет ап. Иаков: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак 14:15). Из этого текста видно, что уже в апостольское время была практика помазывания больных елеем, но, что важно отметить, исцеляющая сила приписывается не самому елею, а «молитве веры». Следствием этого священнодействия, по словам апостола, является исцеление тела и прощение грехов.

Прощаются ли при Соборовании грехи? Несомненно, да, если человек внутренне раскаивается в них, — ведь именно с просьбы о прощении грехов начинаются молитвы об исцелении. Но важно помнить, что соборование не отменяет исповеди. Для покаяния в серьезных грехах, которые несовместимы с пребыванием в Церкви, требуется таинство Покаяния, которое для человека, совершившего тяжелые («смертные») грехи, является таинством возвращения, вновь присоединения к Церкви. И совершенно нелепо представление о том, будто бы в Соборовании прощаются исключительно забытые грехи. В молитвах таинства нигде не говорится специально о «забытых» грехах, всегда речь идет о полном прощении и исцелении человека.

Соборование не гарантирует исцеления. Все зависит исключительно от воли Божией, и мы не можем вынудить Его поступить так, как мы считаем нужным. Как пишет прот. Александр Шмеман, вспоминая о том, как во время Своей земной жизни Иисус Христос сначала прощал грехи людям, которым затем даровал исцеление, «подлинное исцеление человека состоит не в восстановлении — на время! — его физического здоровья, а в изменении, поистине преложении его восприятия болезни, страданий и самой смерти... Цель Таинства в изменении самого понимания, самого принятия страданий и болезни, в принятии их как дара страданий Христовых, претворенных Им в победу».

<http://www.pravmir.ru>

ЧТО ТАКОЕ ПРИМИРЕНИЕ С БОГОМ, ИЛИ КАК ПРАВИЛЬНО ИСПОВЕДАТЬСЯ?

В современной исповеди священник, к сожалению, убеждается в почти полной «номинализации» современного христианства. Самые основные для христианства понятия - греха и раскаяния, примирения с Богом и возрождения как бы опустошились, потеряли свой смысл. Слова все еще употребляются, но содержание их далеко от того, на котором основана наша христианская вера.

Происходит это из-за непонимания большинством православных самой сущности таинства покаяния. На практике у нас существуют два противоположных подхода к этому таинству: один — формально-юридический, другой — психологический. В первом случае исповедь понимается как простое перечисление нарушений закона, после чего дается отпущение грехов и человек допускается к причастию. Исповедь здесь сведена к минимуму, а в некоторых случаях — к общей формуле, которую исповедник читает «наизусть». В этом понимании покаяния центр тяжести полагается на власть священника разрешить и отпустить грехи, причем, разрешение это считается «действительным» само по себе, независимо от состояния души кающегося. Если тут мы имеем дело с «латинизирующим» уклоном, то противоположный подход можно определить как «протестантствующий». Здесь исповедь становится беседой, от которой должна прийти помощь, разрешение «проблем» и «вопросов». Это диалог, но не человека с Богом, а человека с предположительно мудрым и опытным советником, имеющим готовые ответы на все человеческие вопрошания... В обоих подходах очевидно затемнение и искривление подлинно православного понимания сущности исповеди.

В первохристианскую эпоху таинство покаяния понималось как примирение и воссоединение с Церковью отлученных, т.е. христиан, исключенных из собрания Народа Божьего, из Евхаристии, как таинства собрания, как общения в Теле и Крови Христовых. Грех осознавался, прежде всего, как измена «новой жизни», выпадение из нее. Он был разрывом, отпадением, предательством, так же как святость понималась не как нравственное совершенство, а как жизненная верность Христу и Его Царству. Сущность греха — не просто нарушение «закона», а отпадение от Бога и от жизни в Боге. Таким образом, сущность покаяния — это возврат, это возвращение, путем раскаяния, в «новую жизнь», уже данную нам Христом.

Примирение с Церковью отлученного в первые века было длительным процессом, а отпущение грехов — его завершением, свидетельством о совершившемся раскаянии, об осуждении отлученным своего греха, отказом от него, и, следовательно, воссоединением с Церковью. Власть отпущения и разрешения грехов епископом или священником понималась не как власть сама по себе, независимая от раскаяния. Она понималась как власть засвидетельствовать совершившееся раскаяние, и потому — прощение и воссоединение с Церковью, т.е. раскаяние и его плод: примирение с Богом в Церкви... Церковь, в лице священника, свидетельствует, что грешник раскаялся и Бог «примирил и соединил его» с Церковью во Христе Иисусе. Иными словами, таинство покаяния изна-

чально было отнесено не к нравственному закону, а к вере и к греху как отпадению от веры. «Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его» (1 Ин. 3,3-6).

После признания легальности христианства в 4 веке, Церкви пришлось иметь дело с большим количеством номинальных христиан, и таинство примирения отлученных от Церкви стало регулярным таинством для всех членов Церкви. И подчеркиваться в нем стало не покаяние как путь возврата в Церковь, а момент отпущения грехов как власть Церкви. С течением времени происходило обмирщение христианского общества и обмирщение самих понятий и греха, и покаяния. Понимание греха как отрыва от Бога и единственной подлинной жизни — с Ним и в Нем — затмилось моралистическим юридизмом, в котором грех стал переживаться как формальное нарушение закона. Поэтому и исповедь превратилась, как мы говорили выше, либо в формальное исполнение религиозного долга, либо в беседу со священником о духовных трудностях.

По поводу этих самых духовных трудностей. Зачастую, все трудности, преподносимые нами на исповеди оказываются трудностями мнимыми, туманом, разводимым нами, чтобы нам не оказаться лицом к лицу с настоящей действительностью греха. И трудности эти всегда будут оставаться неразрешимыми, если мы не примем истинного учения о грехе и покаянии. Есть только два настоящих источника греха: плоть и гордыня. «Похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» (1 Ин. 2,16). Но человек на исповеди стремится все это прикрыть «сложностями», и выходит, вроде бы красиво и глубоко. Но, по сути, вся исповедь превращается в бесконечную болтовню, болезненное самолюбование и надуманное «алиби» своих грехов. Потому что среди всех этих проблем человек ставит себя на первое место: мои проблемы, мои грехи, мое духовное состояние... О Боге, о примирении с Богом ни слова... В центре человека становится он сам, но не Христос, не Евангелие и не Бог. Таким образом, человек, сам того не замечая, скатывается до того, что на светском языке называется эгоцентризмом, а на языке церковном — гордыней. В этом ключе и священник, принимающий исповедь, опускается до уровня духовного консультирования, религиозной терапии.

На самом деле главный, первый и основной грех — не иметь любви, прежде всего, любви к Богу. Покаяние — тоска не по праведности, но по Самому Богу, как об этом говорится в 50-м псалме: «Не отвержи мене от Лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене». В отрыве от этой богоустремленности покаяние становится антропоцентрическим, т.е. имеющим в своем центре не Бога, а человека, и неизбежно скользит либо к юридизму, либо к психологизму. Настоящее, христианское раскаяние — это, прежде всего, осознание той бездны, что отделяет человека от Бога и от всего того, что Бог дал и открыл человеку, от подлинной жизни. Как говорил один мудрый человек: «Есть только одна грусть (и можно продолжить: один грех) — не быть святым».

Что касается понимания покаяния как юридического освобождения от грехов. С православной точки зрения нет подлинного разрешения грехов там, где нет раскаяния. Бог не принимает человека, не пришедшего к Нему. А «прийти» — значит раскаяться, обратиться, переоценить жизнь и себя. Видеть в разрешении

грехов только власть, присущую священнику и действенную, когда бы ни произносились слова отпущения, означает отклонение в сакраментальную магию.

Под влиянием западного богословия центр тяжести таинства иногда перемещается собственно с раскаяния на момент разрешения, понимаемого юридически. Это последнее выводится не из реальности и подлинности раскаяния и покаяния, а из власти священника. Если в исконном православном понимании таинства Покаяния священник есть свидетель раскаяния и поэтому свидетель совершившегося примирения с Церковью во Христе, то латинский юризм все ударение ставит на власти священника прощать. О правильной понимании сути таинства покаяния и «отпущения» грехов свидетельствует молитва, которую в течении многих веков, вплоть до митрополита Петра Могилы, употреблялась священниками над кающимся на исповеди, где были такие слова: «примири и соедини его со святой Твоей Церковью во Христе Иисусе Господе нашем...» Здесь мы отчетливо видим, что цель таинства понимается как примирение с Богом и соединение с Церковью, причем факт этого воссоединения совершает не священник, но сам человек, пришедший с покаянием ко Христу и Христос, принимающий его.

Итак, назначение таинства Покаяния — примирение человека с Богом в Церкви. Каждый грех действительно отделяет, или отлучает нас от новой жизни. Каждый раз, когда мы грешим, мы уже не во Христе. Каждый раз, когда мы грешим, мы изменяем своей природе, восстановленной Крещением и Миропомазанием. И только покаяние может нас вернуть в то состояние, которое мы потеряли. Таинство Покаяния никогда нельзя понимать как "магию", как разрешение, т. е. отпущение грехов, действительное само по себе, независимо от того, покался я или нет. Покаяние — не простое перечисление грехов, "юридическая" операция, это прежде всего настоящий внутренний кризис совести.

С другой стороны, исповедь не должна превращаться в возможность «выговориться» о своих проблемах, рассказать священнику все, что у тебя на душе, даже то, что не имеет никакого отношения к покаянию, т.е. к примирению с Богом. Такого рода «общение» создает иллюзию духовного окормления. Эта проблема выходит за рамки совершения исповеди. Порой одно и то же лицо способно надолго удержать при себе священника, спрашивая его, не постный ли сегодня день, какой завтра праздник, куда лучше класть молитвослов или хорошо ли читать Евангелие именно в половине десятого вечера. Некоторые люди просто напросто получают удовольствие от того, что можно на исповеди «поговорить с батюшкой». Но не для того Господь нам дал возможность покаяться, чтобы мы искали услаждения в этом. Христианину нужно отличать душевную пользу от душевного комфорта (не все полезное — приятно), утешение — от удовольствия (не все приятное — полезно), и духовную жизнь — от попытки ублажить себя «духовными» средствами.

Во Христе Бог простил все грехи раз и навсегда, но это прощение относится ко мне, только если я всем сердцем желаю, жажду общения с Богом, жизни с Ним, восстановления во мне той радости и того мира, без которых для христианина ничего не имеет значения.

Н. ТЭФФИ. ПОКАЯННОЕ

Старуха нянька, живущая на покое в генеральской семье, пришла от исповеди. Посидела минуточку у себя в уголку и обиделась: господа обедали, пахло чем-то вкусным, слышался быстрый топот горничной, подававшей на стол.

— Тьфу! Страстная не страстная, им все равно. Лишь бы утробу свою напитать. Нехотя согресишь, прости Господи!

Вылезла, пожевала, подумала и пошла в проходную комнату. Села на сундучок. Прошла мимо горничная, удивилась.

— И штой-то вы, няничка, тут сидите? Ровно кукла! Ей-Богу — ровно кукла!

— Думай, что говоришь-то! — огрызнулась нянька. — Эдакие дни, а она божится. Разве показано божиться в эдакие дни. Человек у исповеди был, а, на вас гляючи, до причастия испоганиться успеешь.

— Виновата, няничка! Поздравляю вас, исповедавшись, - испугалась горничная.

— «Поздравляю!» Нынче разве поздравляют! Нынче нороят, как бы человека избидеть да упрекнуть. Давеча наливка ихняя пролилась. Кто ее знает, чего она пролилась. Тоже умней Бога не будешь. А маленькая барышня и говорит: «Это, верно, няня пролила!» С эдаких лет и такие слова.

— Удивительно даже, няничка! Такие маленькие и так уже все знают!

— Нонешние дети, матушка, хуже акушеров! Вот они какие, нонешние-то дети! Мне что! Я не осуждаю. Я вон у исповеди была, я теперь до завтрашнего дня маковой росинки не глотну, не то что... А ты говоришь — поздравлять. Вон старая барыня на четвертой неделе говели; я Сонечке говорю: «Поздравь бабенку». А она как фыркнет: «Вот еще! очень нужно!» А я говорю: «Бабенку уважать надо! Бабенка помрет, может наследства лишить». Да кабы мне эдакую бабенку, да я бы каждый день нашла бы с чем поздравить. С добрым утром, бабенка! Да с хорошей погодой! Да с наступающим праздником! Да с черствыми именинами! Да счастливо откушавши! Мне что! Я не осуждаю. Я завтра причащаться иду, я только к тому говорю, что нехорошо и довольно стыдно.

— Вам бы, няничка, отдохнуть! — лебезила горничная.

— Вот уж ноги протяну, належусь в гробу. Наотдыхаюсь. Будет вам время нарадоваться. Давно бы со свету сжили, да вот не даюсь я вам. Молодая кость на зубах хрустит, а старая поперек горла становится. Не слопаете.

— И что это вы, няничка! И все вас только и смотрят, как бы уважить.

— Нет, уж ты мне про уважателей не говори. Это у вас уважатели, а меня смолodu никто не уважал, так под старость мне срамиться уж поздно. Ты вон лучше кучера пойдй спроси, куды он барыню наемни возил... Вот что спроси.

— Ой, и что вы, няничка! — зашептала горничная и даже присела перед старухой на корточки. — Куды ж это он возил? Я ведь, ей-Богу, никому...

— А ты не божись. Божиться грех! За божьбу, знаешь, как Бог накажет! А в такое место возил, где шевелящих мужчин показывают. Шевелятся и поют. Простынищу расстилают, а они по ней и шевелятся. Мне маленькая барышня рассказала. Самой, вишь, мало, так она и девчонку повезла. Сам бы узнал, взял бы хворостину хорошую да погнал бы вдоль по Захарьевской! Сказать только некому. Разве нынешний народ ябеду понимает. Нынче каждому только до себя и дело. Тьфу! Что ни вспомнишь, то и согресишь! Господи прости!

— Барин человек занятой, конечно, им трудно до всего доглядеть, — скромно опустив глаза, пела горничная. — Они народ милостивый.

— Знаю я барина твоего! С детства знаю! Кабы не идти завтра к причастию, рассказала бы я тебе про барина твоего! С детства такой! Люди к обедне идут — наш еще не продрыхался. Люди из церкви идут — наш чай с кофейми пьет. И как его только, лежебоку, дармоедину, Матерь Святая до генерала дотянула — ума не приложу! Уж думается мне: украл он себе этот чин! Где ни есть, а украл! Вот допытаться только некому! А я уж давно смекаю, что украл. Они думают: нянька старая дура, так при ней все можно! Дура-то, может, и дура. Да не всем же умным быть, надо кому-нибудь и глупым.

Горничная испуганно оглянулась на двери.

— Наше дело, няничка, служебное. Бог с им! Пушай! Не нам разбирать. Утром-то рано в церкву пойдете?

— Я, может, и совсем ложиться не буду. Хочу раньше всех в церкву придти. Чтоб всякая дрянь вперед людей не лезла. Всяк сверчок знай свой шесток.

— Это кто же лезет-то?

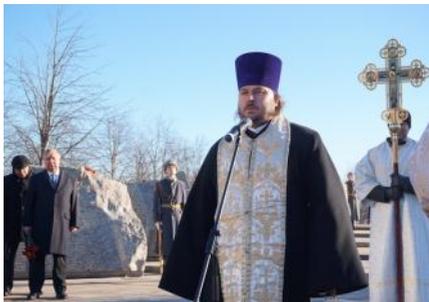
— Да старушонка тут одна. Ледащая, в чем душа держится. Раньше всех, прости Господи, мерзавка в церкву придет, а позже всех уйдет. Кажинный раз всех перестоит. И хоша бы присела на минуточку! Уж мы все старухи удивляемся. Как ни крепись, а, пока часы читают, немножечко присядешь. А уж эта ехида не иначе как нарочно. Статочное ли дело эстолько выстоять! Одна старуха чуть ей платок свечкой не припала. И жаль, что не припала. Не пьясья! Чего пялиться! Разве указано, чтобы пялиться. Вот приду завтра раньше всех да перестою ее, так небось форсу-то посбавит. Видеть ее не могу! Стою сегодня на коленках, а сама все на нее смотрю. Ехида ты, думаю, ехида! Чтоб тебе водяным пузырем лопнуть! Грех ведь это — а ничего не поделаешь.

— Ничего, няничка, вы теперь исповедавшись, все грехи батюшке попу отпустили. Теперь ваша душенька чиста и невинна.

— Да, черта с два! Отпустила! Грех это, а должна сказать: плохо меня этот поп исповедовал. Вот когда в монастырь с тетушкой с княгинюшкой ездили, вот это можно сказать, что исповедовал. Уж он меня пытал-пытал, корил-корил, три епитимьи наложил! Все выспросил. Спрашивал, не думает ли княгиня луга в аренду сдавать. Ну, я покаялась, сказала, что не знаю. А энтот живо скоро. Чем грешна? Да вот, говорю, батюшка, какие у меня грехи. Самые старушьи. Кофий люблю да с прислугами ссорюсь. «А особых, — говорит, — нет?» А каки таки особые? Человеку каждый свой грех особый. Вот что. А он вместо того, чтобы попытать да посрамить, взял да и отпуск прочел. Вот тебе и все! Небось деньги-то взял. Сдачи-то небось не дал, что у меня особых-то нет! Тьфу, прости Господи! Вспомнишь, так согресишь! Спаси и помилуй. Ты чего тут расселась? Шла бы лучше да подумала: «Как это я так живу, и все не по-хорошему?» Девушка ты молодая! Вон воронье гнездо на голове завила! А подумала ли ты, какие дни стоят. И нигде от вас, бесстыдниц, проходу нет! Исповедавшись пришла, дай — думала — посижу тихонько. Завтра ведь причащаться идтить. Нет. И тут доспела. Чертова мочалка, прости Господи! Ишь, пошла с каким форсом! Не долго, матушка! Все знаю! Дай срок, все барыне выпою! Пойтить отдохнуть. Прости Господи, еще кто привяжется!

НАШ ПРИХОД

● 15 февраля 2015 года в праздник Сретения Господня, в 26 годовщину вывода советских войск из Афганистана у монумента «Воинам-интернационалистам, погибшим в Афганистане в 1979 - 1988 гг.» состоялась торжественная траурная церемония. В мероприятии участвовали представители районной администрации. Благочинный Фрунзенского района, протоиерей Алексей Исаев совершил заупокойную литию по погибшим воинам в Афганистане, Чечне и других горячих точках.

● В день Прощеного воскресения, когда православные христиане провожают масленицу и готовятся к Великому посту, после Литургии во дворе нашего храма состоялось праздничное мероприятие с выступлением артистов, песнями и плясками. Все желающие могли попробовать каши из полевой кухни, посмотреть огненное шоу. Особую радость праздник доставил нашим маленьким прихожанам.

● В нашем храме начал действовать институт приходских консультантов. По субботам и воскресеньям, а также во время больших церковных праздников будет проводиться консультирование для тех, кто впервые переступил порог храма и людей, не знакомых с церковной жизнью. Консультанты призваны отвечать на вопросы прихожан, разъяснять ход богослужения, помогать людям сориентироваться в храмовом пространстве.

● 23 марта (память мц. Галины) празднует день своего ангела **Овчинникова Галина Анатольевна**, казначей нашего храма.

● 2 апреля (память мц. Светланы самаряныни) – день ангела у матушки отца Настоятеля **Исаевой Светланы**.

● В этот же день 2 апреля – день ангела у регента нашего храма **Ильиной Светланы**.

Сердечно поздравляем от лица всего прихода и желаем многая лета и спасения души!

